

УДК 378.12:81

КНИГИ ПАМЯТИ ВЫДАЮЩИХСЯ ФИЛОЛОГОВ – ПЕДАГОГОВ И УЧЕНЫХ ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

(Рецензия на книги: Личное и универсальное. In memoriam:

Алла Борисовна Ботникова / под ред. А. А. Фаустова. – Воронеж :
Издательский дом ВГУ, 2024. – 264 с.; Удодов Б. Т. Избранные работы /
ред.-сост. С. А. Ларин, А. А. Фаустов. – Воронеж : Издательский дом ВГУ,
2024. – 237 с.)

Е. А. Иваньшина

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 31 января 2025 г.

Аннотация: в рецензии дается обзор двух книг, посвященных юбилеям филологического факультета и представляющих собой в одном случае подборку личных воспоминаний о юбиляре (А. Б. Ботниковой) и посвященных ее памяти статей, а в другом случае – сборник статей самого юбиляра (Б. Т. Удодова), связанных единой историко-литературной проблематикой. Обе книги дают представление о творческом пути ученых и их вкладе в филологическую науку.

Ключевые слова: А. Б. Ботникова, Б. Т. Удодов, юбилей, краеведение, литературоведение, германистика, русская литература, личное, универсальное.

Abstract: the review provides an overview of two books dedicated to the anniversaries of the Faculty of Philology, which in one case are a collection of personal memories of the hero of the day (A. B. Botnikova) and articles dedicated to her memory, and in the other case, a collection of articles by the hero of the day (B. T. Udodov) related to a single historical and literary issue. Both books give an idea of the creative path of scientists and their contribution to philological science.

Key words: A. B. Botnikova, B. T. Udodov, jubilee, local history, literary studies, German studies, Russian literature, personal, universal.

2024 год на филологическом факультете Воронежского государственного университета ознаменовался двумя столетними юбилеями, которые, помимо научных конференций, были отмечены изданиями двух книг, вышедших в Издательском доме ВГУ и посвященных памяти юбиляров – профессора Аллы Борисовны Ботниковой (12.05.1924–23.10.2022) и профессора Бориса Тимофеевича Удодова (27.06.1924–29.10.2009). Составленные по разному принципу, эти книги в разных ракурсах отражают научные, общественные и личные интересы наших учителей, создававших тот филфак, который мы знаем и помним.

Сборник, посвященный памяти Аллы Борисовны Ботниковой [1], составлен из статей разных авторов, связанных с юбилеем профессионально

или лично: из двух частей книги (первая – личные воспоминания, вторая – научные статьи) складывается не только разностороннее представление о самой Алле Борисовне (далее – АБ), но и о тех, кто составлял круг ее жизни (ученики, коллеги, единомышленники). В каждой из статей первой части есть свой сюжет притяжения к этому кругу и каждый из авторов выделяет в многогранной личности юбиляра что-то особенное. Но все сходится в главном: общение с АБ приподнимало над общим пейзажем. Неслучайно заглавие очерка Ж. В. Грачёвой вызывает ассоциацию с полетом («От ангела и от орла в ней было что-то»), высота которого определяется силой духа. С. В. Савинков и А. А. Фаустов ключевым словом для заголовка выбрали «стойкость», прибегнув к исторической ассоциации и сравнив АБ с людьми декабристской породы. О некоторых драматических жизнен-

ных обстоятельствах, в которых выковывалась эта стойкость, рассказывает И. А. Белопольская. А о «породе» в буквальном смысле (о предках АБ) мы узнаем из воспоминаний священноиннока отца Александра (Завьялова), настоятеля Свято-Покровского храма д. Дьячево Решемского сельского поселения Кинешемского района Ивановской области, для которого АБ стала добрым другом и соратником по написанию книги о ее деде, иерее Николае Павловиче Горском. Как пишет о. Александр, именно дед АБ по материнской линии, служивший с 1899 по 1920 г. в храме Воскресения Христова села Нагорное Кинешемского уезда Костромской губернии (ныне село Решма Ивановской области), а ныне прославленный в лике местночтимых святых, «познакомил» его со своей внучкой. Интерес к истории рода Горских связал о. Александра и АБ перепиской, которая началась в 2021 г. и о которой рассказывает автор, приводя выдержки из ее писем, в которых она вспоминает о деде и размышляет о месте его предполагаемого захоронения. Воспоминания о. Александра, написанные в соавторстве с ивановским краеведом Н. С. Уткиной, содержат элементы агиографического жанра, объяснимые контекстом, в который они вписаны («Воспоминания об общении с Аллой Борисовной Ботниковой»). На вопрос о вере, которым задается автор воспоминаний, откликается другой мемуарист – Ю. Л. Полевой: говоря об отношении АБ к религии в контексте меняющегося времени и скрепляющих его ритуалов, он находит ей единомышленников в лице Бродского и Чехова, переводя вопрос о религиозности в более широкий – культурный – регистр.

В мемуарной части книги соседствуют воспоминания, воссоздающие восприятие АБ глазами студентов 1950–1980-х гг., которые впоследствии стали ее коллегами и друзьями. Это И. А. Белопольская («Мои воспоминания об А. Б. Ботниковой»), С. Н. Филюшкина («Алла Борисовна и я»), Н. М. Митракова («Дорогая Алла Борисовна!») и Н. А. Молчанова («Годы растратятся – небо всё то же...»). Одним из первых студентов Аллы Борисовны стал в 1950 г. В. С. Листенгартен, которому посчастливилось общаться с ней в течение 73 лет, быть свидетелем и соучастником ее профессиональной и творческой жизни. Эталонем интеллигентности называет Владимир Семенович Аллу Борисовну, понимая под этим, в числе прочего, наличие четкой гражданской позиции и открытость по отношению к общественным запросам («Эталон интеллигентности»).

В числе таких студентов оказался и О. Г. Ласунский, помещающий историю своего общения с АБ в присущий ему библиофильский и библио-

графический фокус: Олег Григорьевич вспоминает подаренные ему Аллой Борисовной книжные и семейные раритеты, происхождение которых связано с фактами ее личной биографии, и просматривает посвященные ей библиографические указатели, которые дают представление о широте ее творческих запросов. Особого внимания здесь удостоен интерес юбиляра к «региональной проблематике», запечатленный в критических эссе, посвященных местным писателям-современникам, и в предисловиях к краеведческим трудам самого О. Г. Ласунского, а также проявившийся в отношениях, сложившихся у АБ и ее мужа, театроведа З. Я. Анчиполовского, с Камерным театром и его режиссером М. Бычковым. Отмечая тот факт, что АБ всегда волновали социальные страсти, Олег Григорьевич среди других инициатив коллеги выделяет домашний кружок интеллектуалов, собиравшийся у Ботниковых-Анчиполовских (на «ботниковских посиделках») и внутренне связанный с другим кружком, собиравшимся у Н. Е. Штемпель, «которая имела смелость дружить с О. Э. Мандельштамом, когда тот пребывал в воронежской ссылке» [1, с. 65] («Во всей полноте жизни...»).

О. Г. Ласунский говорит о дружеских отношениях, сложившихся у АБ с Ю. Л. Полевым – главным редактором издательства «Кварта», часто навещавшим одинокую соседку, помогавшим ей в быту и взявшим на себя труд по изданию последних книг АБ. Юрий Львович написал очерк, в котором рассказывает о совместной издательской работе над книгой З. Я. Анчиполовского, посвященной Камерному театру [2], где АБ «была не только заинтересованным зрителем и театральным критиком, но и многолетним членом Попечительского совета». Другие их совместные проекты с Юрием Львовичем – книга о Наталье Евгеньевне Штемпель [3], к которой АБ написала эссе, собственные мемуары АБ [4; 5] («Заметки издателя»).

О таланте литературного портретирования АБ-мемуаристки пишет профессор Воронежского института искусств, музыкант Е. Б. Трёмбовельский, отмечая ее живой интерес к театральной, культурной и социальной жизни и выделяя естественность и правдивость как качества, определяющие личность юбиляра и в жизни, и в писательстве («Времена не выбирают»).

С историей нашей страны, из которой, как из песни, слова не выкинешь, а параллельно с историей Воронежского государственного университета, корнями связанного с университетом Дерптским (Тартуским), соотносит свой очерк директор Издательского дома ВГУ Д. С. Дьяков, отсылающий читателей к мемуарам самой АБ, в которых

она вспоминает свой приезд в Воронеж в 1949 г. в группе столичного «культурного десанта», отправленного сюда с целью восстановления в послевоенном городе порушенной системы университетского образования. Размышляя о вкладе АБ в возрождение в провинциальном университете «духа Дерпта», т.е. традиций западноевропейского образования, автор пишет о стойкости духа АБ, формировавшейся в непростом климате 1950-х, и о круге гуманитариев-интеллектуалов, для которых «понятия “свобода” и “естественность” стали определяющими как в личном поведении в студенческой аудитории, так и в самих принципах процесса обучения и воспитания» [1, с. 112]. Здесь вспоминаются и любимые ученики юбиляра, и ее любимый Гофман, через оптику которого автор всматривается в тот реальный жизненный контекст, от которого действительно захватывает дух («Когда захватывает дух» – заголовок очерка Д. Дьякова).

Все, кто пишут об АБ, отмечают ее аристократизм и утонченность. По словам С. В. Савинкова и А. А. Фаустова, всё ее существо и весь строй жизни «протестуют против непритязательности даже в обыденных ее формах» [1, с. 8] («Об Алле Борисовне Ботниковой, или О стойкости»). По словам А. А. Фаустова, по-настоящему много они стали общаться, редактируя рукопись докторской диссертации Владислава Анатольевича Свительского, которую подготовили и выпустили в виде монографии после смерти автора. Живым отпечатком личности АБ являются фрагменты ее электронной переписки с Андреем Анатольевичем, в последние десять-пятнадцать лет бывшим ежедневным ее телефонным собеседником. Предполагая, что АБ, скорее всего, не одобрила бы предание этих реплик к печати, автор объясняет выбор жанра тем, что это «единственная возможность сохранить живую интонацию ее речи и получить не искаженное восприятием мемуаристов представление о симпатиях и антипатиях, да и в целом о складе ума той, кого больше с нами на этом свете нет» [Там же, с. 121] («Из электронной переписки с А. Б. Ботниковой»).

Научные интересы и симпатии АБ отражены во второй – академической – части сборника: здесь представлены статьи учеников и коллег, связанных с юбиляром и «объектно», и «субъектно». Неслучайно первая статья в этом «венке» – о Гофмане, творчеству которого посвящена докторская диссертация А. Б. Ботниковой. Обращаясь к гофмановскому циклу новелл «Серапионовы братья», А. И. Иваницкий показывает, как в его рамках происходят фрагментирование и переосмысление ключевых тем немецкого романтизма:

детской жадности волшебства, любовного энтузиазма и искусства, как из смыслового взаимоотражения составляющих цикл текстов вырабатывается новое качество романтической иронии, на основе которой Гофман разлагает и заново собирает (в форме беседы четырех друзей) свое творческое «я» [1, с. 134–156]. Тему антиномической диалектики романтического духа продолжает статья В. Х. Гильманова, посвященная драматургии Цахариаса Вернера, связанного – через осмысление фантазии и тайнодействия – с Гофманом и Гёте. Откликаясь на высказывание А. Б. Ботниковой о немецком романтизме, который более 200 лет сохраняет непонятную актуальность, автор статьи связывает эту актуальность с беспокойством живущего в нас «шестого чувства», иллюстрацией которого и является путь Вернера, воплощенный в его масонско-романтической драматургии [Там же, с. 157–175]. К сказочной модели, отражающей романтический принцип универсализма, обращается в своей статье, посвященной разбору хоррора «Гретель и Хензель» Оза Перкинса, О. В. Тихонова. Актуализируя фольклорный материал как первооснову хоррора, автор показывает, из каких жанровых элементов складывается сюжет хоррора, как в нем «работают» специфические мотивы и формулы, как устроен нарративный план фильма и в чем проявляется конфликт сказки и хоррора как двух моделей текстопорождения [Там же, с. 176–189]. В статье А. Э. Воротниковой проводится параллель между немецкой и русской литературой 1960 гг. XX в. на материале двух произведений: романа К. Вольф «Расколотое небо» и пьесы Л. Зорина «Варшавская мелодия». Сопоставляя две истории любви, А. Э. Воротникова показывает, как в контексте ситуации выбора между любовью и родиной в каждом из произведений актуализируется категория границы и осуществляется выбор между ценностными установками человека и государства. Это сопоставление наглядно демонстрирует экспорт соцреалистической сюжетной модели в литературу ГДР, с одной стороны, и попытку дистанцирования от нее в советской литературе, с другой [Там же, с. 190–199]. В статье М. Н. Недосейкина на материале творчества А. Франса актуализируется проблема категории национального: речь идет о том, что значит быть французом, т.е. об условности, сконструированности понятия национального духа, в частности, о парадоксальной логике механизма формирования национального (французского) канона в текстах А. Франса, а также в текстах о нем. Вопрос о границах затрагивает здесь особенности представлений о французском духе, в понимании которого переплетается

ются национальное (варварское, дионисийское) начало и иннациональное («латинский гений») [1, с. 200–207]. В статье О. Б. Вайнштейн на материале вестиментарного творчества лондонской группы Блумсбери анализируется эстетика богемы как социального авангарда, связанного всё с той же романтической культурой (в обоих случаях индивидуализм уравнивается коллективными формами жизнотворческого общения); речь идет о разных вариантах богемного стиля в дизайне одежды, объединенных контркультурной функцией [Там же, с. 208–222]. Статья Е. В. Войналович посвящена анализу стихотворения О. Мандельштама «Пароходик с петухами...», которое в соотношении с другими ключевыми мандельштамовскими текстами актуализируется как итоговое высказывание поэта о времени и о себе [Там же, с. 223–241]. В статье О. Ю. Сконечной описываются полемические пересечения повести Набокова «Соглядатай» с текстами-сновидениями Достоевского, с одной стороны, и теорией сновотворчества А. Бема, с другой [Там же, с. 242–261].

Образуя интеллектуальный венок, статьи, как и мемуары, отражают личность юбиляра, в данном случае круг культурных интересов Аллы Борисовны, которая была (и остается) центром притяжения для многих людей.

Сборник в память Бориса Тимофеевича Удодова [6] составлен из собственных статей юбиляра, в которых отражен круг его научных интересов, связанных с такими именами, как Кольцов, Никитин, Рылеев, Лермонтов. Сборник не дает исчерпывающего представления о круге научных интересов автора, зато дает представление о его научном темпераменте. Это, как отмечают редакторы сборника С. А. Ларин и А. А. Фаустов, серия статей, принадлежащих разным периодам творческого пути ученого и не получивших полномасштабного отражения в его «больших» работах [6, с. 4]. Можно сказать, в книге представлены отдельные ветви того мощного древа, которое выросло в процессе более чем шестидесятилетнего служения литературоведческой науке.

В статье «Кольцов и Лермонтов» автор сетует на незаслуженно обойденную проблему творческого взаимодействия двух поэтов, определяя их как самые крупные фигуры своего времени, наступившего после 1825 г., для которого характерно ощущение несбывшихся надежд. Проследившая общность судеб Кольцова и Лермонтова, Борис Тимофеевич (далее – БТ) отмечает их взаимный интерес друг к другу, фиксирует факты, свидетельствующие о творческой перекличке, и показывает, откуда, из какой реальности вырастают их общие настроения, с одной стороны, и какие разные при-

чины вызывают тот социально-политический настрой, который отражен в стихотворениях поэтов, определяемых как соратники и шедших к одной цели «с противоположных сторон» [6, с. 9–30].

В другой статье, размышляя о «рылеевском элементе» в творчестве Лермонтова, БТ сравнивает двух поэтов в контексте двух эпох – декабристской и николаевской – и называет старшего «предвестником нарастающей политической бури», а младшего – «последним, угадывающим ее порывом». Особое внимание в статье уделяется лермонтовскому стихотворению «Когда твой друг...», главным героем которого, точнее, реальным его прототипом БТ называет самого Рылеева (в противовес тем литературоведам, которые называли прототипом А. И. Одоевского), проявляя в тексте «конкретный жизненный субстрат» (смерть в результате казни за политическое преступление) и мотивируя свою гипотезу, в числе прочего, биографическими фактами, связывающими семью Лермонтова с семьей Рылеева [6, с. 77–99].

Творчеству Кольцова посвящена еще одна статья сборника, в которой БТ размышляет о незаслуженно забытом философствующем духе этого поэта. Речь идет о «Думах» Кольцова и их оценках В. Г. Белинским, в которых критик вступает в диалог с самим собой, а также об оценках Кольцова разными писателями и критиками, свидетельствующих о разных тенденциях восприятия его философской лирики (как проявление поэтической универсальности Кольцова или его зависимости от философских положений Белинского и Станкевича). Пафос этой статьи, продиктованный желанием отстоять заслуженное поэтом место в ряду других думающих современников, и аргументы, которые при этом приводятся, позволяют почувствовать полемическую энергию ученого и желание справедливости в отстаивании репутации поэта [6, с. 100–150].

В статье, посвященной анализу «Дневника семинариста» И. С. Никитина, БТ объясняет выбор неисклнчительной личности на место главного героя и формы дневникового повествования идеей поиска путей освобождения Белозерского от отупляющей системы семинарского образования, в которой отражается система российской действительности. Показывая столкновение «благородных порывов юности» с «общим порядком жизни», автор статьи, актуализируя антитетическую композицию «Дневника...», заостряет исследовательскую направленность повести, в которой переплелись коренные социальные проблемы времени [6, с. 31–53].

В статье о лирическом герое Лермонтова БТ обращается к дискуссиям о том, кто есть «лири-

ческий герой», и обобщает суть литературоведческих споров об этом то ли человеке, то ли призраке, то ли маске, фиксируя нюансы сложной диалектики субъективного и объективного в представлениях об этой проблеме в науке. Разграничивая субъект, объект и предмет лирики, ученый предлагает свою номенклатуру форм выражения авторского сознания в образной структуре лирики Лермонтова, подразделяя все лирические образы на субъектные и объектные и объясняя, как соотносятся в рамках одной художественной системы творческая индивидуальность, образ автора, лирический герой и лирический персонаж. Здесь, как и в предыдущих статьях, ученый снова выходит к осмыслению отношений искусства и действительности [6, с. 5–76].

Размышляя об интерпретациях классики в контексте современных ему теоретико-литературных представлений о роли читателя, автор говорит о необходимой мере объективного и субъективного, возможного и действительного в подходе к художественному образу, выдвигая свои аргументы против структуралистского подхода к литературе и отстаивая преимущества историко-функционального метода [6, с. 151–179]. Главную проблему литературы БТ видит в изображении человека в диалектическом взаимодействии в нем естественного и исторического, индивидуального, родового и видового начал. Говоря о соотношении сознаний автора и героя в полифоническом романе Достоевского, БТ корректирует положения бахтинской теории, утверждая диалогический подход как единственно плодотворный в литературоведении. В частности, ученый настаивает на разнородности сознаний автора и героев и параллельно на необходимости различать автора-идеолога и автора-художника. При всех демократических симпатиях он не принимает идею равноправия автора и героев в полифоническом романе и распространяет концепцию полифонизма на роман М. Ю. Лермонтова (в определенном смысле ставит Лермонтова перед Достоевским в вопросе о полифонической романной структуре)

[6, с. 180–205]. В статье, посвященной анализу поэмы «Мцыри», БТ подвергает ревизии сложившиеся трактовки поэмы, показывая их уязвимость (в частности, мир поэмы актуализируется как построенный диалогически, а герой прочитывается не в руссоистском ключе, как «естественный человек», а как человек конкретно-исторический) [Там же, с. 211–235].

В статьях Б. Т. Удодова за академической манерой изложения угадываются мощные социальные страсти, как бы «смирённые» дисциплинованностью мысли, стремящейся к точности означивания терминологических нюансов и учету всех уже существующих точек зрения. Запечатленные в статьях темперамент и ясность вооруженной диалектикой мысли вкупе с историко-функциональным методом работы с художественной литературой будут интересны и как память об ученом, и как актуальный учебник для тех, кто учится нашему непростому литературоведческому ремеслу.

Обе книги – дань благодарной памяти тех, кому посчастливилось лично общаться с Аллой Борисовной и Борисом Тимофеевичем и учиться у них. Тем же, кто более молод и только собирается серьезно заниматься филологией, они помогут составить представление о профессии и тех уровнях смысла, который она задает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Личное и универсальное. In memoriam: Алла Борисовна Ботникова / под ред. А. А. Фаустова. – Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2024. – 264 с.
2. Анчиполовский З. Театр Михаила Бычкова / З. Анчиполовский. – Воронеж : Кварта, 2002. – 158 с.
3. Ясная Наташа. Осип Мандельштам и Наташа Штемпель. – Воронеж : Кварта, 2008. – 372 с.
4. Ботникова А. Б. В те времена... / А. Б. Ботникова. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2008. – 275 с.
5. Ботникова А. Б. Мамина тетрадь / А. Б. Ботникова. – Воронеж : Кварта, 2015. – 87 с.
6. Удодов Б. Т. Избранные работы / Б. Т. Удодов ; ред.-сост. С. А. Ларин, А. А. Фаустов. – Воронеж : Изд. дом ВГУ, 2024. – 237 с.

Воронежский государственный педагогический университет

Иваньшина Е. А. – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы

E-mail: sergiencou@yandex.ru

*Voronezh State Pedagogical University
Ivanshina E. A. – Dr. Habil. In Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Theory, History and Methods of Teaching Russian Language and Literature*

E-mail: sergiencou@yandex.ru